

ОБРАЗ БУДУЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН¹

© 2013 г. Т. П. Емельянова*, Т. В. Дробышева**

**Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва;*

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник, там же.*

Исследуется структура образа будущего благосостояния у различных групп российского общества. В структуре группового образа будущего выделяются комплекс когнитивных элементов и эмоциональные компоненты. С помощью авторских методик выявляются их особенности в группах студентов и работающих взрослых с учетом уровня социального оптимизма/пессимизма. Изучаются объективные (род занятий, доход), а также субъективные факторы (уровень макроэкономической тревоги, преобладающие ценностные ориентации, социальная идентичность, глубина перспективы в планировании будущего). Прослеживается динамика в конструировании образа будущего благосостояния в условиях социальных изменений.

Ключевые слова: образ будущего, благосостояние, представления, структура представления о будущем благосостоянии, большие группы общества, ценностные ориентации, макроэкономическая тревога, социальный оптимизм/пессимизм.

В социальной психологии на протяжении последних десятилетий внимание отечественных и зарубежных ученых привлекает проблема отношения человека к экономическим реалиям жизни, осознания себя как экономического субъекта. При этом остается недостаточно изученной роль групповых факторов в формировании экономического сознания. Особое значение в этом плане приобретает понимание механизмов конструирования образа будущего экономического благосостояния групповыми субъектами, их коллективных надежд, опасений и ожиданий. Опыт изучения экономической активности граждан России указывает на то, что существует противоречие между институциональными моделями экономического поведения и его психологическими объяснениями. Фундаментальная научная проблема, на решение которой направлено данное исследование, – групповые феномены экономического сознания (как эмоциональные, так и когнитивные), составляющие образ будущего экономического благосостояния у различных социальных групп

российского общества в динамичной среде современной экономики и политики.

Исследование механизмов переживания будущего различными группами населения актуально как для понимания некоторых субъективных аспектов макроэкономических процессов, так и для развития социальной психологии в части концептуализации проблемы конструирования образа будущего благосостояния группами общества. В период общественных изменений возрастают энтропия и неустойчивость материального статуса социальных групп, а следовательно, испытанию подвергаются существующая социальная категоризация и социальная идентичность членов групп. Анализ факторов и механизмов данных процессов с социально-психологических позиций позволяет расширить рамки научного понимания происходящего, обогащает науку новыми фактами, повышает ее социальную релевантность, усовершенствует ее концептуальный аппарат в плане дальнейшего развития как психологии социального познания, психологии больших групп, так и собственно экономической психологии. Актуальность проблемы состоит в открывающихся возможностях прогнозирования экономического

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-06-00831а).

поведения членов различных социальных групп в будущем.

Цель данного исследования – рассмотрение малоизученного феномена обыденного прогнозирования будущего благосостояния в его связи с различными социально-психологическими факторами, а также особенностями актуальной ситуации в экономике и политике. Впервые изучаются групповые образы будущего, характерные для конкретных социальных категорий российского общества (профессиональных, возрастных, различающихся по уровню доходов). В эмпирическом плане предлагается подход к изучению коллективного образа будущего как сложной ментальной конструкции, в которой эмоциональные и когнитивные элементы экономического сознания групп анализируются в их внутренних связях и отношениях.

Теоретическая задача исследования – построение концептуальной схемы связей между компонентами образа будущего и внешними и внутренними факторами, воздействующими на его характеристики. На основе полученных результатов могут быть сделаны выводы о влиянии обыденных экономических прогнозов членов групп на их актуальное экономическое поведение.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ

Содержание понятия “образ будущего благосостояния”, примененного к обыденному сознанию больших социальных групп, требует уточнения. Необходимо определить подход к его операционализации и сформулировать гипотезы о факторах, участвующих в его конструировании группами, а также установить векторы его изменения в условиях современного российского общества. В отечественной и зарубежной психологии сложились направления исследований, в которых разрабатываются вопросы, являющиеся базовыми для решения проблемы, отраженной в понятии “образ будущего благосостояния”. Это, прежде всего, изучение феномена “благосостояние” в общепринятом его значении: экономическое, финансовое или материальное благосостояние, а также в различных дисциплинах – экономике, социологии (раздел “экономическая социология”), философии, социальной и экономической психологии. В экономическом словаре термин “благосостояние” определяется как характеристика социально-экономических условий жизни и удовлетворения

потребностей населения [14] либо как мера, степень обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования, которая характеризует уровень жизни людей [5, 11]. Анализируя современные исследования (экономические, социально-экономические), можно видеть, что термин “экономическое благосостояние” часто употребляется как синоним понятия “материальное благосостояние”. Однако первый из них используется в работах, где изучаются макроэкономические процессы, субъектами которых выступают государство, фирмы, а второй – если речь идет о благосостоянии семьи. Автор неоклассической теории благосостояния А. Пигу в начале XX в. обратил внимание на то, что понятие “индивидуальное благосостояние” шире, чем “экономическое благосостояние” (цит. по [2]). Помимо максимума полезности от потребления, оно включает и такие составляющие, как характер работы, условия окружающей среды, взаимоотношения с другими людьми, положение в обществе, жилищные условия, общественный порядок и безопасность, которые в настоящее время объединены в понятие “качество жизни” [1]. В отечественной психологии в последние годы активно исследуются феномены “качество жизни”, “качество трудовой жизни”, “субъективное качество жизни” [4, 12 и др.], последний из которых включает самоощущения и самовосприятие личностью своего уровня и качества жизни. Отталкиваясь от вопроса, насколько счастливы люди, живущие в том или ином сообществе [3], исследователи обратились к феномену “субъективное благополучие”, измерение которого опирается на личные оценки человеком его собственной жизни по ряду когнитивных и эмотивных компонентов (см., напр., [15, 16]). Противоречивые данные одних исследователей относительно отсутствия или наличия связи между экономическим благополучием (доходом) как объективным показателем материального благосостояния человека и субъективным благополучием стимулировали других авторов к разработке и изучению новых феноменов в экономической психологии, которые позволили бы разрешить эту дилемму. Речь идет о “субъективном экономическом благополучии” (СЭБ) как компоненте экономического сознания, а это есть, по определению В.А. Хашенко, “целостное субъективное (пристрастное) отношение личности к материальным аспектам и условиям жизни, которое выражает жизненную позицию человека в сфере материальных устремлений и потребления” [13, с. 44]. И далее: “СЭБ опирается на личный опыт жизни человека, включающий испытанные положительные и негативные эмоциональные состоя-

ния, глобальную и частную оценку материальных условий и их изменения в прошлом...” [там же]. Это уточнение особенно важно в контексте исследования образа будущего благосостояния как феномена обыденного сознания, по-разному связанного с оценками прошлого и настоящего в социальных, возрастных и других группах.

Базовыми для исследуемой проблемы, отраженной в понятии “образ будущего благосостояния”, являются и вопросы социальной психологии восприятия будущего. В отечественной и зарубежной психологии основное внимание традиционно было сосредоточено на индивидуально-психологических особенностях отношения личности к будущему, тогда как коллективные его аспекты остаются малоизученными. Так, в экономической психологии восприятие личностью будущего первоначально рассматривалось в связи с потребительскими ожиданиями и их влиянием на экономику. Была установлена связь отношения личности к будущему с рядом характеристик экономического поведения, а также анализировались оценки респондентами собственного экономического (материального) благосостояния [10]. В частности, было обнаружено, что протяженность временной перспективы и ориентация на будущее связаны с экономическим статусом [15]. Отечественные исследования свидетельствуют о том, что чем выше уровень образования, профессиональный и экономический статус респондентов, тем шире их временной горизонт, длительнее планирование жизни [9 и др.]. Вместе с тем, по мнению Т.А. Нестика [10], в экономической и организационной психологии психологическое будущее изучалось преимущественно с точки зрения временной ориентации и протяженности временной перспективы. При этом недостаточно изученными остаются социально-психологические факторы конструирования образа будущего, роли групповой идентичности, социального оптимизма/пессимизма, ценностных ориентаций и других феноменов, а также роль групповых экономических представлений в формировании образа будущего.

В понятии “образ будущего благосостояния” одним из центральных терминологических элементов является “образ”. Будучи многозначной категорией, означающей как индивидуальные ментальные феномены субъективной репрезентации действительности, так и сложные явления эстетической действительности, например “художественный образ”, и характеристику интеллектуальной деятельности – “образ мысли”, и комплексные поведенческие феномены, например

“образ жизни”, категория образа, на взгляд авторов, может быть применена и к конструированию характеристик вероятного будущего. В данной работе групповой образ будущего благосостояния рассматривается как комплексный феномен, содержащий когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Предполагается, что образ будущего является сложным по структуре феноменом, который не только характеризуется совокупностью структурных компонентов, но и имеет различные временные планы. Базируясь на образе настоящего, он также неразрывно связан с образом прошлого, а ожидания будущего конструируются на основе обыденных интерпретаций, эмоций, оценок, удовлетворенности либо неудовлетворенности, улавливании тревожных или благоприятных сигналов, получаемых из анализа событий прошлого и настоящего. Образ будущего благосостояния как результат прогностической активности может рассматриваться и в его групповом варианте как атрибут какой-либо социальной группы. В этом случае на результат прогностической активности будут оказывать влияние не только внешние, объективно заданные по отношению к группе факторы, но и её социально-психологические особенности. Образ такого рода, разумеется, не может репрезентировать всей полноты характеристик будущего в силу как своей субъективности, определяемой особенностями групповой психологии, так и вероятностной сущности самого предмета конструирования. Между тем, именно содержание подобного конструкта будет определять готовность к действиям, степень мобилизованности, планы членов группы, выбор схем и сценариев поведения.

Экономические и социально-демографические характеристики большой группы, рассмотренные как внешние условия конструирования образа будущего, являются важным фактором процесса прогнозирования; они специфичны для каждого конкретного общества в каждый период его существования и нуждаются в специальных исследованиях. Но особый интерес представляют социально-психологические факторы (характеристики самой группы, внутренние условия) в их связи с процессом конструирования образа будущего благосостояния. Социальная идентичность, актуальное социальное самочувствие группы (оптимистичное или пессимистичное), преобладающие ценностные ориентации членов группы, их адаптационные возможности, уровень социальной активности, мотивация и готовность к ней (в экономической, политической, гражданской сферах), уровень внутренней организованности и сплоченности группы (наличие союзов, общест-

венных организаций, объединений) и др. являются, на наш взгляд, важнейшими факторами конструирования образа будущего благосостояния.

МЕТОДИКА

Респондентами *первой серии* основного этапа исследования выступили 78 девушек и 56 юношей (всего 134 чел.) в возрасте от 20 до 24 лет. Выборка формировалась из студентов 3-го, 4-го и 5-го курсов, обучающихся в вузах на гуманитарных, технических и экономических факультетах, совмещающих учебу с работой. Работающие студенты среднего и старших курсов представляли для авторов особый интерес из-за их включенности в процесс материального обеспечения и приближающегося времени начала самостоятельной профессиональной карьеры. Во *второй серии* основного этапа исследования выборка респондентов включала 50 мужчин и 45 женщин (всего 95 чел.) в возрасте от 30 до 60 лет. Большинство участников исследования – работники бюджетных организаций (74% выборки) в сфере образования (учителя, психологи – 57% выборки) и культуры (артисты хора – 17%). Кроме того, в исследовании принимали участие сотрудники коммерческих организаций (сфера услуг), в основном менеджеры низшего звена (12.35%). Чуть более половины респондентов замужем или женаты (54%), остальные состоят в разводе или овдовели. Уровень объективного экономического статуса семей участников исследования в среднем по выборке составляет от 20 до 30 тыс. рублей на человека в месяц².

Процедура исследования. Исследование состояло из двух этапов. На *первом*, поисковом, проводилось интервью на тему “Образ будущего глазами студентов: проблемы благосостояния”. Вопросы были направлены на изучение образа будущего у студентов: каким они видят свое будущее, каковы перспективы развития их материального благосостояния. Другой аспект, отраженный в интервью, – это осознание тех проблем, которые непосредственно связаны с благосостоянием студентов. Респондентами стали 20 студентов-старшекурсников (10 девушек и 10 молодых людей в возрасте 19–23 лет) педагогических, психологических, юридических и экономических факультетов высших учебных заведений. С помощью тематического контент-анализа были обработаны 20 стенограмм. Результаты поискового этапа по-

служили базой для создания шкал и опросников основного этапа, а также подбора методик, направленных на исследование ценностных ориентаций, социальной идентичности, макроэкономических проблем и других методических приемов.

Второй этап – основное исследование – включал три серии, проведенные с помощью одного и того же блока методик. Первая серия осуществлялась с участием респондентов-старшекурсников московских вузов (134 чел.), во второй респондентами были работающие взрослые (95 чел.). Сопоставление результатов позволило провести сравнительный анализ содержания образа будущего благосостояния и роли воздействующих на него факторов по параметрам возраста и характера занятости. Цель третьей серии – выявление динамики в содержании образа будущего благосостояния. Срез проводился на той же выборке взрослых респондентов спустя год после второй серии исследования. Этот год был отмечен выборами в Государственную Думу, выборами Президента РФ, вступлением России в ВТО, массовыми политическими движениями.

Использованные методики. Для выявления социально-психологических характеристик групп использовались следующие методики: “Ценностные ориентации” (Ш. Шварц), модифицированный вариант методики Н.Л. Ивановой “Выбор идентичности” [8], “Выявление социальной группы респондентов” (Т.А. Нестик), “Методика эмоционального восприятия принадлежности к своей социальной группе” (Т.А. Нестик), модифицированный в соответствии с целями исследования вариант семантического дифференциала, “Макроэкономические источники тревоги” (Т.В. Дробышева), “Социальные представления о благосостоянии”, “Способы улучшения экономического благосостояния” (Т.П. Емельянова), “Оценка перспектив экономического благосостояния” (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева). Методики включены в исследование на основании результатов ориентировочного этапа работы и теоретического анализа литературы, позволивших раскрыть многокомпонентность образа будущего, выявить его эмоциональный и когнитивный аспекты. На основном этапе исследования с помощью авторской методики “Оценка перспектив экономического благосостояния” были выявлены прогнозы респондентов относительно будущего экономического благосостояния трех групп, с которыми они себя идентифицируют (семья, социальная группа, страна), на два пятилетия (ближайшее и отдаленное). В результате выделились группы “социальных оптимистов” и “социальных

² Авторы выражают благодарность Д.В. Мартыновой и Л.Г. Кукишевой за участие в исследовании.

пессимистов”. Полученные в ходе исследования данные были обработаны с помощью методов статистического анализа с использованием программ *SPSS* и *MS Excel*. При обработке использовались: коэффициент позитивных ответов Ж.-К. Абрика, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, критерий *H* Краскела–Уоллиса, частотный анализ; принятый уровень значимости $p < 0.05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Поисковый этап исследования. На этом этапе проводилось интервью на тему “Образ будущего глазами студентов: проблемы благосостояния”. С помощью материалов, полученных на основе выработанной категориальной сетки, были выявлены варианты понимания студентами термина “благосостояние”. Большинство молодых людей придерживаются мнения о том, что благосостояние касается, прежде всего, материальной сферы (69.6% опрошенных), а именно: стабильного дохода, финансового положения, наличия частной собственности, возможности материально обеспечивать своих близких, а также способности делать вклады в банках или в личный бизнес. Что касается изменения благосостояния, то 78.8% студентов планируют его улучшение в ближайшие пять лет. Чтобы добиться этого, большая часть респондентов (62.5%) рассчитывает лишь на собственные ресурсы. Больше половины из них ориентируются на будущую работу (56%). В равной степени (по 12%) респонденты полагаются на удачные женитьбу/замужество, получение второго высшего образования (параллельно с работой). Перспективу второго образования они рассматривают как средство получения более выгодного места работы. В меньшей степени (по 4%) опрошенные полагаются на помощь родителей, а также возможность открытия собственного дела. Стоит сказать, что 26.6% респондентов подчеркивают, что государство не обеспечит им достойную жизнь.

Что касается эмоционального отношения к будущему благосостоянию россиян в целом, то 42.8% видят будущее в светлых тонах. В то же время 40% опрошенных, наоборот, говорят об ухудшении благосостояния россиян в скором времени, испытывая при этом неуверенность в завтрашнем дне, грусть и обиду. Как отметили респонденты, возможные положительные изменения будут иметь социальную направленность и коснутся таких социально незащищенных групп населения, как дети, студенты, пенсионеры и малоимущие. При анализе интервью выделилась еще

одна категория “Проблемы, связанные с материальным благосостоянием”, которая отражает негативные ожидания студентов. Наибольшее недовольство у молодых людей (35.9%) вызывает уровень жизни в нашей стране: существенные различия уровня благосостояния разных слоев населения, недостаточные социальные гарантии, которые обеспечиваются государством. Респонденты прогнозируют невысокий уровень жизни для себя и своей семьи. По их мнению, причинами этого являются высокий уровень безработицы и отсутствие гарантий трудоустройства после окончания вуза. Также респондентов волнуют проблемы, связанные с производством (16.3%) и политической сферой (14.1%). Как отмечают студенты, в этих сферах нет стабильности, политическая структура коррумпирована, не осуществляется поддержка малого и среднего бизнеса со стороны государства. 13% опрошенных выделили проблему здравоохранения и образования: низкое качество медицинского обслуживания и его высокую стоимость; качественное образование – начальное, среднее и высшее – практически стало платным. Однако, как отмечают в интервью все респонденты, повышение уровня благосостояния людей зависит от их личных качеств и опоры на свои внутренние ресурсы.

Основной этап (серия 1). При рассмотрении совокупности представлений и эмоциональных компонентов образа будущего благосостояния предполагалось, что в основе конструирования образа будущего имеется общий эмоциональный фон – недифференцированное ощущение эмоционального благополучия или неблагополучия (социальный оптимизм/пессимизм), проявляющееся в глобальной оценке перспектив благосостояния своей социальной группы на ближайшее и более отдаленное будущее. По данным методики “Оценка перспектив экономического благосостояния” респонденты были разделены на две группы: с прогнозом оптимистичным и пессимистичным. Результаты дескриптивной статистики (по средним и медианным значениям) позволили выявить некоторые закономерности относительно выраженности оптимистичных и пессимистичных прогнозов у студентов 4–5-го курсов. Респонденты оценивали по 10-балльной шкале будущее экономическое благосостояние своей семьи, социальной группы и страны. В исследовании были заложены оценки по шести шкалам: временные перспективы 2011–2015 гг. и 2016–2020 гг. по каждой изучаемой социальной группе (табл. 1).

Как можно видеть из табл. 1, среди прогнозируемых перспектив экономического благосостоя-

Таблица 1. Оценка двух пятилетий с точки зрения предполагаемого уровня экономического благосостояния (в группе студентов)

Предполагаемый уровень экономического благосостояния	2011–2015 гг.		2016–2020 гг.	
	Пессимистич- ный прогноз	Оптимистич- ный прогноз	Пессимистич- ный прогноз	Оптимистич- ный прогноз
Уровень благосостояния СЕМЬИ	49%	51%	74%	26%
Уровень благосостояния СТРАНЫ	77.4%	22.6%	68%	32%
Уровень благосостояния СВОЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ	64.2%	35.8%	48%	52%

ния (с 2011 по 2015 гг.) своей семьи, страны и социальной группы наименее оптимистичными у студентов оказались прогнозы будущего своей страны. Так, из 134 респондентов, принимавших участие в исследовании, только 28 чел. (16 юношей и 12 девушек) позитивно оценили экономическое благосостояние своей страны в ближайшее пятилетие (условно назовем данную группу студентов “социальными оптимистами”). Можно предположить, что этот факт связан с приемлемым экономическим статусом их семей. Так, 60% “социальных оптимистов” указывают на среднемесячный доход своей семьи от 10 тыс. до 30 тыс. рублей на человека, 15% – от 30 тыс. до 40 тыс., а 25% данных студентов отмечают уровень дохода свыше 40 тыс. рублей. Среди оптимистично настроенных молодых людей отсутствуют те, кто указал на низкий уровень дохода своей семьи, т.е. менее 10 тыс. рублей на человека. При сравнении этих результатов с аналогичными в другой группе студентов с пессимистичными прогнозами экономического благосостояния своей страны, видно, что оценки среднемесячного дохода семьи у “социальных пессимистов” включают и очень низкие значения (т.е. менее 10 тыс. на человека), в то время как более половины из них (56.4%) указывают на достойный уровень проживания своей семьи, т.е. от 30 тыс. рублей и выше на каждого члена семьи. Однако корреляционный анализ выявил связь между показателями экономического статуса семьи и оптимистичными/пессимистичными прогнозами студентов будущего экономического благосостояния своей семьи, но не социальной группы и страны. Доля респондентов, оптимистично настроенных в отношении своей группы на ближайшие пять лет, составила лишь 35.8%, а пессимистично настроенных – 64.2%. То есть пессимистичный прогноз благосостоянию своей социальной группы дают почти две трети опрошенных. Очевидно, что первые годы самостоятельной профессиональной жизни не предвещают, по прогнозам молодых людей, обеспечения

им материального благосостояния. Интересно, что оценки благосостояния своей социальной группы изменяются по мере увеличения временной перспективы. В промежутке 2016–2020 гг. количество оптимистичных прогнозов больше, чем на промежутке 2011–2015 гг., почти на 20%. Таким образом, социальный оптимизм молодежи скорее обращен в более отдаленное будущее.

С помощью методики “Социальная идентичность” были определены те группы, с которыми идентифицируют себя респонденты. Наиболее выраженной оказалась идентичность с группой студентов, профессиональной группой и группой молодежи. Для выявления сходства и различий в эмоциональном компоненте образа будущего своей группы принадлежности был проведен сравнительный анализ данных семантического дифференциала для групп с оптимистичным и пессимистичным настроением. Он показал, что в группе “социального оптимизма” будущее представляется достаточно позитивно: оно исполнено надежд и имеет для респондентов очень большое значение (98%). Но все же 47% респондентов отмечают наличие трудностей в нем. Будущее в данной группе видится им насыщенным событиями, успешным для них (96%). Несмотря на то, что 63.2% респондентов считают такое будущее далеким, они полагают, что оно зависит только от них самих.

Что касается группы с пессимистичными прогнозами, то в их восприятии будущее предстает более трудным (56% по сравнению с 51% у “социальных оптимистов”), оно несколько ближе по временной перспективе (78% по сравнению с 61.2% у “социальных оптимистов”). Позитивный образ будущего в данной группе менее выражен, чем у группы с оптимистичными прогнозами. Только 73.2% респондентов считают будущее безопасным, в то время как в оптимистичной группе – 82%. Тенденция более негативно оценивать будущее сохраняется по всем параметрам.

Для уточнения этих результатов был проведен корреляционный анализ выраженности рефлексивной идентичности с социальной группой и эмоционального отношения к ее будущему (при $p < 0.05$). У респондентов была выявлена положительная корреляционная связь между принадлежностью к социальным группам “студенты и профессиональная группа”, а также “молодежь” с оценками по параметру семантического дифференциала “будущее зависит от меня” ($r = 0.28$); отрицательная связь – с оценками по СД “безопасное будущее” ($r = -0.29$) и “светлое будущее” ($r = -0.29$), “исполненное надежд будущее” ($r = -0.25$), “прекрасное будущее” ($r = -0.23$). Вероятно, высокий уровень идентификации с названными группами не допускает радужных надежд и заставляет сохранять мобилизованность перед лицом неизбежных трудностей. Можно предположить, что рефлексия принадлежности к студенческой и возрастной когортам вселяет в респондентов позитивное ощущение значительности собственных возможностей, своего потенциала как будущих профессионалов – от активности в этом качестве и зависит их собственное будущее. Несмотря на рефлексивные жизненные трудности, ожидающие группу молодых профессионалов, респонденты чувствуют спокойную уверенность (51%) в отношении своей принадлежности к этой группе. Ни у кого из опрошенных не отмечается негативных эмоций по отношению к своей группе, а четверть респондентов испытывают гордость от принадлежности к ней.

Одним из важных факторов эмоционального настроя на будущее оказалась рефлексия респондентами макроэкономических обстоятельств, которые могут порождать тревоги в отношении будущего благосостояния. С помощью методики “Макроэкономические источники тревоги” были получены данные в группах с пессимистичными/оптимистичными прогнозами. Для пессимистично настроенных респондентов наиболее серьезным источником тревоги в настоящее время является “замедление темпов российской экономики”. У этого элемента было обнаружено шесть (из девяти возможных) отрицательных корреляционных связей со способами достижения экономического благосостояния в настоящем. Однако данная тенденция не сохраняется по отношению к будущему. Большое волнение респондентам, как в наши дни, так и в последующей временной перспективе приносят такие проблемы, как “увеличение расходов государства на военно-промышленный комплекс” и “сокращение товарооборота”. Что касается группы с оптимистичными прогнозами, то наиболее важным источником макроэкономической

тревоги как в настоящее время, так и в ближайшем будущем является “невозможность увеличения заработной платы работникам бюджетной и внебюджетной сферы”. Анализ степени выраженности источников макроэкономических тревог у группы с пессимистичными прогнозами позволил выявить наиболее важные проблемы для данной группы в период проведения исследования: “рост безработицы в стране”, “сокращение рабочих мест в отрасли, где они работают”, “рост цен на товары и услуги общественного потребления”, “замедление темпов развития российской экономики”, “невозможность увеличения заработной платы работникам бюджетной и внебюджетной сферы”.

Таким образом, факторы “замедление темпов развития российской экономики”, “цены на нефть на мировом рынке упали в несколько раз” и “в стране растёт безработица” получили наибольшее число выборов в обеих группах. Различия заключаются в приоритетности выбираемых факторов. Для группы с пессимистичным настроением – это фактор “в стране растёт безработица”, а для оптимистов – “цены на нефть на мировом рынке упали в несколько раз”. Акцентирование “социальными пессимистами” именно фактора безработицы, по-видимому, связано с тем, что в среднем эта группа имеет более низкий уровень дохода на каждого члена семьи, чем группа “социальных оптимистов” [6], и, следовательно, стабильный заработок оказывается важным условием благосостояния семьи.

Для уточнения механизма действия факторов макроэкономических тревог на эмоциональные и когнитивные компоненты образа будущего было предпринято корреляционное исследование (при $p < 0.05$). По его результатам отрицательная корреляционная связь в группе с пессимистичным настроением обнаружена между тревогой “невозможность увеличения заработной платы работникам бюджетной и внебюджетной сферы” и элементом “возможность создания семьи и рождения ребенка” ($r = -0.23$). Также отрицательная связь была обнаружена между тревогой “сокращение товарооборота со странами ближнего и дальнего зарубежья” и элементами “возможность приобретения собственности” ($r = -0.24$) и “достойные условия для труда и жизни” ($r = -0.25$).

Корреляционному анализу были подвергнуты и данные респондентов с оптимистичными прогнозами относительно своего будущего благосостояния. Анализ элементов образа будущего в данной группе с источниками тревог в будущем показал лишь одну связь – это тревоги по поводу “невоз-

Таблица 2. Представление об экономическом благосостоянии в группах “социальных оптимистов” и “социальных пессимистов” (студенты)

Элементы представления	Группа “социальных пессимистов”	Группа “социальных оптимистов”
Центральные элементы представления	Высокий, стабильный уровень дохода (56%) Достойные условия для жизни и труда (60%) Уверенность в завтрашнем дне (59%) Крепкое здоровье (50%) Возможность помогать близким (61%) Возможность приобретения собственности (58%) Ощущение счастья (50%) Возможность создания семьи, рождение ребёнка (54%) Сознание собственной свободы (53%)	Высокий, стабильный уровень дохода (79%) Достойные условия для жизни и труда (96%) Уверенность в завтрашнем дне (84%) Возможность помогать близким (91%) Возможность приобретения собственности (74%)
Элементы, близкие к центру	Гарантированное трудоустройство, низкая безработица (37%) Достойный социальный пакет (48%) Возможность открыть собственное дело (бизнес) (31%) Наличие сбережений, накоплений в различных фондах и банках (38%)	Гарантированное трудоустройство, низкая безработица (48%) Достойный социальный пакет (41%) Крепкое здоровье (41%) Ощущение счастья (35%) Возможность открыть собственное дело (бизнес) (31%) Наличие сбережений, накоплений в различных фондах и банках (42%) Возможность создания семьи, рождение ребёнка (45%) Сознание собственной свободы (44%)
Периферические элементы представления	Возможность вкладывать материальные средства в экономику страны (16%)	Возможность вкладывать материальные средства в экономику страны (18%)

возможности увеличения заработной платы работникам бюджетной сферы” с элементом “возможность приобретения собственности” ($r = -0.37$). Можно думать, что макроэкономические факторы не только как таковые четко рефлексированы студентами, но и становятся в их сознании барьерами для достижения наиболее актуальных в их возрасте атрибутов благосостояния: приобретения собственного жилья (в обеих группах), создания семьи и рождения ребенка (в группе “социальных пессимистов”, у которых материальный достаток родительской семьи ниже, чем у “социальных оптимистов”).

Следующим направлением анализа данных было исследование представлений в структуре образа будущего благосостояния. Содержание этих представлений, являющихся групповым феноменом, мы рассчитывали с помощью коэффициента позитивных ответов Ж.-К. Абрика (адаптированный вариант Т.П. Емельяновой, 2006) [7].

Применение этого коэффициента позволяет выделить центральные элементы представления, элементы, близкие к центру, и периферические элементы (см. табл. 2). В план последующего анализа были включены только центральные элементы представления.

С помощью корреляционного анализа были установлены связи центральных элементов представления в группах “социальных оптимистов” и “социальных пессимистов” с утверждениями, касающимися возможностей улучшения экономического благосостояния своей социальной группы. Анализ способов достичь благосостояние в группе “социальных оптимистов” показал, что его представители опираются исключительно на свои внутренние ресурсы. Так, самыми эффективными способами достижения благосостояния для них являются: “приложить все свои усилия и знания”, “надеяться только на себя, а не на государство”, “вести здоровый образ жизни”. Была

выявлена отрицательная взаимосвязь между элементом “возможность приобретения собственности” и способом “взять кредит”. Тем самым подтверждается мысль о том, что ни государство, ни банки не воспринимаются студентами-старшекурсниками как опора для обеспечения своего благосостояния. Корреляционный анализ элементов представления “социальных пессимистов” относительно их благосостояния и способов его достижения показал, что пессимистичный настрой респондентов подтверждается отрицательными взаимосвязями между элементами “уверенность в завтрашнем дне” и намерением “выйти замуж (жениться)”, “приложить все свои усилия и знания” и способом “вести здоровый образ жизни”. Респонденты с пессимистичным настроением не ожидают помощи в повышении благосостояния от своего ближайшего окружения, а именно – от людей, с которыми они намерены вступить в брак и создать семью. При этом карьера и собственное профессиональное становление воспринимаются как главные ресурсы в обеспечении своего экономического благосостояния. На временном промежутке будущих пяти лет молодые респонденты не чувствуют в себе сил и не выражают стремления взять на себя ответственность в создании семьи. Вместо этого пессимистично настроенные респонденты временной этап 2011–2015 гг. предпочитают посвятить своему становлению как специалистов и развитию себя в профессиональном плане. Большинство взаимосвязей между элементами представления в структуре образа будущего благосостояния и способами его достижения отрицательные, что говорит о неуверенности пессимистично настроенных респондентов относительно своего будущего, а также о наличии большого числа проблем, которые мешают достичь желаемого качества жизни. Так, например, отрицательная связь зафиксирована между элементом “возможность приобретения собственности” и способом “приложить все свои усилия и знания”. Данная связь совпадает с результатами, полученными на “оптимистах”, и подтверждает

общее мнение старшекурсников, что в ближайшее пятилетие (даже с приложением максимума усилий) покупка собственного жилья является для них невозможной. Несмотря на то, что государство предпринимает меры по поддержке молодежи, создавая такие программы, как “доступное жилье”, специальные виды ипотечных и других кредитов, как показывают наши результаты, молодое поколение не полагается на эти ресурсы.

Основной этап (серия 2). Во второй серии исследования принимали участие взрослые работающие респонденты в количестве 95 чел., из них 50 мужчин и 45 женщин в возрасте от 30 до 60 лет. Значительная доля респондентов – работники бюджетных организаций (74% выборки), из них работают в сфере образования (учителя, психологи) 57% выборки и в сфере культуры (артисты хора) – 17%. Кроме того, в исследовании принимали участие и сотрудники коммерческих организаций (сфера услуг), в основном менеджеры низшего звена (12.35%). Чуть более половины респондентов замужем или женаты (54%), остальные состоят в разводе или овдовели. Уровень объективного экономического статуса семьи участников исследования в среднем по выборке составляет от 20 тыс. до 30 тыс. рублей на человека в месяц.

В рамках данного этапа исследования представлены три блока данных. Первый из них характеризует эмоциональные и когнитивные компоненты в структуре образа будущего благополучия респондентов, идентифицирующих себя со своими коллегами и людьми той же профессии. Второй блок данных позволит раскрыть эмоциональные компоненты образа будущего и прошлого в зависимости от групповой или надгрупповой идентичности участников исследования, а также факторы этих переживаний. Наконец, третий блок включает результаты, раскрывающие динамику когнитивного компонента образа будущего благосостояния и факторов его конструирования.

Таблица 3. Оценка двух пятилетий с точки зрения предполагаемого уровня будущего экономического благосостояния (в группе работающих взрослых)

Предполагаемый уровень благосостояния	2011–2015 гг.		2016–2020 гг.	
	Пессимистичный прогноз	Оптимистичный прогноз	Пессимистичный прогноз	Оптимистичный прогноз
Уровень благосостояния СЕМЬИ	52.1%	47.9%	64.6%	35.4%
Уровень благосостояния СТРАНЫ	94.4%	5.6%	78.5%	21.5%
Уровень благосостояния СВОЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ	77.3%	13.7%	60.6%	30.4%

Таблица 4. Представление об экономическом благосостоянии в группах “социальных оптимистов” и “социальных пессимистов” (работающие взрослые респонденты)

Элементы представления	Группа “социальных пессимистов”	Группа “социальных оптимистов”
Центральные элементы представления	Высокий, стабильный уровень дохода (62%) Достойные условия для жизни и труда (64%) Уверенность в завтрашнем дне (65%) Гарантированное трудоустройство, низкая безработица (51%) Достойный социальный пакет (67%) Крепкое здоровье (63%) Возможность помогать близким (65%) Возможность приобретения собственности (63%) Ощущение счастья (52%) Возможность создания семьи, рождение ребёнка (57%) Сознание собственной свободы (50%) Наличие сбережений, накоплений в различных фондах и банках (51%)	Высокий, стабильный уровень дохода (92%) Достойные условия для жизни и труда (98%) Уверенность в завтрашнем дне (82%) Гарантированное трудоустройство, низкая безработица (78%) Достойный социальный пакет (51%) Крепкое здоровье (65%) Возможность помогать близким (92%) Возможность приобретения собственности (98%) Ощущение счастья (78%) Возможность создание семьи, рождение ребёнка (71%) Сознание собственной свободы (85%)
Элементы, близкие к центру	Возможность вкладывать материальные средства в экономику страны (23%) Возможность открыть собственное дело (бизнес) (35%)	Возможность открыть собственное дело (бизнес) (48%) Наличие сбережений, накоплений в различных фондах и банках (49%)
Периферические элементы представления	–	Возможность вкладывать материальные средства в экономику страны (12%)

Анализ оценки респондентами будущего экономического благосостояния своей семьи, страны и социальной группы в ближайшем и отдаленном будущем выявил следующую тенденцию (см. табл. 3): чем удаленнее временная перспектива, тем более оптимистичны прогнозы респондентов; чем более дистанцирована группа, тем ниже позитивные оценки ее экономического благосостояния в будущем. То есть наиболее оптимистичные прогнозы выявлены относительно будущего своей семьи, наименее позитивно респонденты оценивали будущее своей страны. При этом ближайшее пятилетие воспринималось ими более пессимистично, чем следующее. Число респондентов-“пессимистов” относительно экономического благосостояния своей социальной группы в ближайшем будущем составляет 77% выборки. Их групповая идентичность определяется кругом единомышленников (67.3%), друзей (61%), коллег (50.6%), людей той же профессии (59%), чьи взгляды наиболее близки участникам исследования. Выявлены различия в социодемо-

графических характеристиках респондентов с оптимистичными и пессимистичными прогнозами ближайшего будущего. Так, наиболее оптимистично (13.7%) оценивали будущее группы принадлежности участники исследования до 35 лет (42.8%), имеющие ежемесячный доход на каждого члена семьи от 20 тыс. рублей и более (64%). Большинство из них состоят в браке (65%), работают психологами в сфере образования (36%) или менеджерами в сфере бизнеса (21.4%). Пессимистичные прогнозы экономического благосостояния своей социальной группы были выявлены у респондентов от 41 до 60 лет (53%), в основном работающих учителями в школе (45%). Среди них чуть больше мужчин (53%), чем женщин. При этом 30% социальных пессимистов указывали на ежемесячный доход (на каждого члена семьи) менее 20 тыс. рублей и 31% – от 20 тыс. до 30 тыс. рублей. Выявленная связь дохода семьи и пессимистичности прогнозов респондентов относительно будущего экономического благосостоя-

ния (семьи, социальной группы, страны) носила характер тенденции (при $p = 0.05$).

Анализ структуры и содержания представления о благосостоянии у взрослых респондентов показал, что центральные элементы изучаемого представления в группах “социальных пессимистов” и “социальных оптимистов” значимо не отличаются (табл. 4).

Из 14 утверждений, оцениваемых взрослыми по степени значимости, центральными являются 11 – в группе оптимистов и 12 – в группе пессимистов. Данный факт указывает на высокую значимость представления о благосостоянии в сознании работающего населения в возрасте от 30 до 60 лет. Речь идет о понимании благосостояния как высокого, стабильного уровня дохода; достойных условий для жизни и труда; уверенности в завтрашнем дне; гарантированном трудоустройстве; достойном социальном пакете; возможности создать и обеспечить семью. Оно подразумевает и наличие крепкого здоровья, а также ощущения счастья (удовлетворенность качеством жизни) и собственной свободы. Возможность помогать близким людям, приобретать собственность также рассматривались всеми респондентами как элементы благосостояния. Наряду с этим пессимистично настроенные носители представления указывали на наличие сбережений, накоплений в различных фондах и банках как на значимый элемент благосостояния. Важно отметить, что возможность открыть собственное дело (бизнес) или вкладывать материальные средства в экономику страны респонденты не связывали с пониманием благосостояния своей социальной группы.

Анализ центральных элементов представления в группах “социальных оптимистов” и “социальных пессимистов” позволил обнаружить их связь с разными способами улучшения экономического благосостояния (при $p < 0.05^*$; $p < 0.001^{**}$). Так, уверенность оптимистично настроенных в завтрашнем дне связывалась с их верой в собственные силы ($r = 0.60^*$), а обеспечение достойных условий для жизни и труда – со здоровым образом жизни ($r = 0.76^{**}$) и возможностью создания семьи ($r = 0.62^*$). Опора на банковский кредит, по мнению оптимистов, позволила бы им решить проблему гарантированного дохода ($r = 0.61^*$) и снизила бы переживание угрозы безработицы ($r = 0.55^*$). При этом помощь близким людям (родителям, детям, друзьям) оптимисты связывали с работой за границей ($r = 0.64^*$) (напомним, что возраст большинства из них варьировал от 30 до 35 лет). В данной группе респондентов занятие бизнесом рассматривалось как фактор угрозы

здоровью ($r = -.58^*$), поскольку оно требует много сил. По-видимому, позитивные эмоции оптимистов относительно будущего благосостояния определяются запасом их ресурсов (возраст, здоровье, еще работающие родители, получение второго высшего образования, удачное замужество/женитьба и т.п.), позволяющим планировать и позитивно переживать будущее. Пессимистично настроенные участники исследования (старшая часть выборки) осознавали, что организация своего дела требует физических и материальных ресурсов ($r = 0.27^*$), запас которых после 40–45 лет становится все меньше. Данный факт снижал их уверенность в завтрашнем дне ($r = -0.22^*$), а также удовлетворенность качеством жизни (ощущение счастья) ($r = 0.24^*$). В то же время отмечалось, что осознание необходимости помогать пожилым родителям, взрослым, но еще не полностью самостоятельным детям (студенты, старшеклассники, молодые семьи), заставляет социальных пессимистов мобилизовать свои внутренние ресурсы, вести здоровый образ жизни ($r = 0.27^*$). Это поддерживало их уверенность в гарантированной государством работе и соответственно пусть не большом, но постоянном доходе ($r = 0.26^*$). Данная категория респондентов уверена в том, что достойный социальный пакет может предложить только государство, и не связывает это с собственными усилиями и знаниями ($r = -0.28$). Для пессимистов отъезд за границу определялся наличием сбережений в банках, которые можно потратить ($r = 0.23^*$). При этом они указывали, что не станут рисковать уровнем своего актуального благосостояния в поисках за рубежом работы ($r = -0.24^*$) или партнера по браку. По-видимому, пессимистичные настроения участников исследования являются результатом их жизненного опыта и разделяются другими представителями исследуемой социальной группы (работники бюджетных организаций в возрасте от 40–45 лет и старше с невысоким уровнем дохода, среди которых много мужчин, в чьи обязанности входит обеспечение достойного уровня жизни своей семье). Уверенность в завтрашнем дне для более молодой подгруппы пессимистов, работающих не только в сфере образования (учителя, психологи) и культуры (артисты хора), но и в коммерческих организациях (менеджеры низшего звена), связана с помощью родителей ($r = 0.26^*$).

В качестве источников эмоциональных переживаний в группах респондентов с оптимистичными и пессимистичными прогнозами выделялись разные макроэкономические явления. Так, если в группе “социальных оптимистов” вызывала беспокойство информация “об отсутствии ро-

ста заработной платы и повышении цен на товары и услуги общественного потребления” (это снижало их уверенность в завтрашнем дне и осложняло осуществление помощи близким людям), то пессимизм взглядов на будущее в более взрослой подгруппе респондентов был связан с осознанием ими более широкого спектра макроэкономических факторов. По мнению социальных пессимистов, в качестве явлений, угрожающих их благосостоянию в будущем, могут быть рассмотрены: снижение темпов развития российской экономики; рост безработицы, а также цен на товары и услуги; неустойчивость фондовой биржи; невозможность увеличения заработной платы; сокращение товарооборота со странами ближнего и дальнего зарубежья. В данной группе вызывала тревогу неизвестность относительно политического лидерства в стране (“срез” данных весны 2011 г.), что напрямую связывалось респондентами с удовлетворенностью качеством жизни (ощущение счастья).

Данные второго блока исследования позволили раскрыть эмоциональные переживания респондентов относительно прошлого, настоящего и будущего в зависимости от их групповой идентичности. Было обнаружено, что большинство респондентов идентифицирует себя с ближайшим социальным окружением (семья, друзья, коллеги и т.п.), часть из них (в среднем 22%) продемонстрировали макрогрупповую социальную идентичность (“советские люди”, “россияне”, “люди той же религии”). Идентификация себя как советского человека рассматривается нами в качестве элемента коллективной памяти респондентов, позволяющего компенсировать неопределенность группового будущего, а также нивелировать стрессовые переживания в настоящем. Идентичность респондентов с людьми такой же религии носила вневременной характер, а групповая идентичность с россиянами определялась отношением к настоящему. Все указанные виды идентичности на высоком уровне достоверности (при $p < 0.0001$) образовывали связи между собой. Обнаружено, что эмоциональные переживания респондентами прошлого, настоящего и будущего зависят от групповой идентичности. Так, позитивные воспоминания знакомых с детства образов, звуков, запахов связывали в сознании людей образы себя как субъекта “советского” (прошлого) и “российского” (настоящего) общества. При этом приятные воспоминания о хороших временах определяли идентичность респондентов как советских людей. Можно предположить, что оптимизм восприятия настоящего и ближайшего будущего (перспектива на год), разделяемый частью

участников исследования, определялся позитивными воспоминаниями прошлого. Последующий анализ обнаружил связь между позитивными переживаниями будущего и прошлого при выраженной макрогрупповой идентичности. Данные результаты согласуются с тезисом Курта Левина (см.: [10]), отмечавшего существование связи между протяженностью временной перспективы, включающей в себя позитивное прошлое и будущее, и устойчивостью социальной группы к социальным кризисам, ее способностью к выживанию в трудных условиях. Исторический опыт выживания российского общества в условиях острых социально-экономических трудностей последних десятилетий подтверждает эту мысль.

Обнаружено также наличие позитивного образа будущего своей социальной группы по религиозной принадлежности. Оно характеризуется (по данным семантического дифференциала) как светлое, легкое, своё, значительное, но короткое. Будущее своей группы, объединенной советским прошлым, определялось респондентами как приятное, светлое, исполненное надежд, легкое, осмысленное, значительное, насыщенное событиями, но также короткое. Таким образом, позитивно переживаемый образ будущего в представлениях участников исследования опирается на осознание ими себя как людей с советским прошлым, разделяющих при этом религиозные взгляды и предпочтения других членов группы.

Эмоциональные переживания будущего экономического благосостояния своей социальной группы обусловлены субъективным восприятием респондентами макроэкономических явлений. Так, информация о снижении темпов российской экономики, падении цен на нефть на мировом рынке, воспринимаемая населением как угроза благосостоянию, определяла насыщенность событиями их прогнозов на будущее. Увеличение расходов государства на военно-промышленный комплекс вызывало беспокойство в связи с потенциальными трудностями. То, каким – мрачным или светлым – виделось будущее, зависело от информации о падении цен на нефть. Чем ниже котировки цен, тем более безрадостным представлялось будущее своей социальной группы. Неопределенность восприятия будущего была связана со снижением темпов российской экономики и ростом цен на нефть. “Будущее моей социальной группы не зависит от меня в ситуации роста цен на нефть, но я могу повлиять на него при условии роста заработной платы”, – отмечали участники исследования.

Резюмируя, следует отметить, что групповой образ будущего экономического благосостояния в представлениях людей от 30 до 60 лет, работающих в основном в бюджетной сфере с невысоким уровнем дохода и определяемых социологами как “нижний слой среднего класса”, позитивно переживается только теми из них, кто идентифицирует себя с “советскими людьми”, “россиянами” и “людьми такой же религиозной принадлежности”. Теплые воспоминания (“родом из детства”) о прошедших временах выступают наиболее важными переживаниями при конструировании позитивного образа будущего респондентами.

Основной этап (серия 3). В целях изучения динамики образа будущего у взрослых россиян в условиях до- и поствыборной ситуации в развитии общества была проведена третья серия исследования, в которой принимала участие половина выборки респондентов 2011 г. На этом этапе работы была сохранена большая часть эмпирической программы исследования предыдущего года. Итак, в период с марта–апреля 2011 г. по март–апрель 2012 г. Были обнаружены изменения в структуре представлений респондентов о благосостоянии, а также в восприятии ими макроэкономических событий как факторов, вызывающих состояние тревоги. В частности, значительная часть высказываний, принадлежащих к центральной части исследованного представления (“срез” 2011 г.) переместилась в его периферическую часть (“срез” 2012 г.) (по критерию Вилкоксона при $p < 0.0001$). Так, весной 2011 г. центральная часть изучаемого представления о благосостоянии (независимо от пессимистичности/оптимистичности прогнозов) включала половину всех суждений респондентов (“высокий, стабильный уровень дохода”, “достойные условия для жизни и труда”, “уверенность в завтрашнем дне” и т.п.), периферическая часть содержала элементы, отнесенные к категории близких к центру (“гарантированное трудоустройство”, “ощущение счастья”, “возможность открыть собственное дело” и т.п.), и собственно периферические (“возможность вкладывать материальные средства в экономику страны”). Весной 2012 г. в центральной части представления остались только суждения о “высоком стабильном уровне дохода” и “достойных условиях для жизни и труда”. Важно заметить, что большая часть социально значимых элементов представления о благосостоянии радикально снизили значимость в оценках респондентов, переместившись в его периферическую часть: “уверенность в завтрашнем дне” с 73.5% до 39%, “гарантированное трудоустройство, низкая безработица” с 64.5% до 37.5%, “достойный

социальный пакет” с 59% до 39%, “возможность приобретения собственности” с 80.5% до 35%, “наличие сбережений, накоплений в различных фондах и банках” с 49% до 30%. Возможно, подобная динамика говорит о том, что стабильное, интегрированное и устойчивое ядро представления о благосостоянии в значительной степени было разрушено. То, что было общим смыслом, разделяемым членами социальной группы бюджетных работников, возможно, воспринималось ими ранее как достижимые цели в сфере благосостояния, утратило статус общепринятого.

Данные результаты согласуются с выявленными изменениями в оценках респондентами макроэкономических факторов как источников тревоги. Так, весной 2011 г. наибольшее беспокойство вызывали такие явления, как рост безработицы, повышение цен на товары и услуги, сокращение рабочих мест в отрасли и невозможность увеличения заработной платы работникам бюджетной и внебюджетной сферы. Все они были непосредственно связаны с пониманием респондентами экономического благосостояния своей семьи и профессиональной группы. На “срезе” 2012 г. выявлена тенденция роста числа явлений, которые вызывают состояние тревоги у респондентов. В этот период участники исследования оценивают как тревожную и ту информацию, которая еще год назад не вызывала у них сильного беспокойства. Речь идет об изменении мировых цен на нефть, вступлении России в ВТО, темпах развития российской экономики и т.п. Обнаруженные факты косвенно указывают на рост тревоги в обществе, связанной с экономической и политической деятельностью государства.

По сравнению с предвыборным периодом весной 2012 г. Были выявлены изменения в чувствах, которые испытывают респонденты в связи с их идентификацией со своей социальной группой. К примеру, весной 2011 г. наиболее распространенными ответами респондентов были “спокойная уверенность” и “никаких чувств”. Весной 2012 г. значительно увеличивается число респондентов, которые испытывают, с одной стороны, гордость от принадлежности к своей социальной группе, с другой – обиду, неудовлетворенность, униженность. Принимая во внимание, что основную часть выборки составляют работники бюджетной сферы в возрасте от 30 до 60 лет, следует отметить, что их групповая идентичность связана с принадлежностью к группам коллег, друзей, а также с теми, кто разделяет их вероисповедание и чье становление пришлось на “советский период”. Эти данные объясняют факт влияния обще-

ственных событий, которые произошли в период с весны 2011 г. по весну 2012 г. (выступления “несогласных”, предвыборные программы, проекты реформ в системе образования и медицины и т.п.), на амбивалентность чувств респондентов относительно их групповой идентичности.

Резюмируя, можно сказать, что усилившиеся тревожные ожидания провоцируют поиски способов улучшения ситуации в сфере собственного благосостояния, а оценка положения дел вызывает у респондентов чувство разочарования, неоправдавшихся надежд. При этом возможно, что посредством механизма поддержания позитивной социальной идентичности проявляется усиление внутригрупповых тенденций, выражающееся в возрастании гордости за свою социальную группу.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наше комплексное исследование позволяет провести несколько линий сравнения между группами студентов и работающих взрослых относительно содержания образа будущего благосостояния и факторов, связанных с его конструированием.

В группах работающего населения, по сравнению со студентами, число оптимистично воспринимающих свое будущее людей в целом существенно меньше, и в ситуации даже самой отдаленной перспективы (десятилетие) не превышает 30% выборки. У взрослых, как и у студентов, наблюдается тенденция зависимости позитивных ответов от близости группы. Будущее семьи воспринимается более позитивно, чем будущее своей социальной группы или страны. Большинство оптимистов – это люди от 30 до 35 лет. Однако, в отличие от студентов, обнаруживших различия в содержании центральной части представления о благосостоянии в зависимости от пессимистичности/оптимистичности восприятия будущего, аналогичное представление взрослых респондентов, во-первых, не связано с их оптимизмом или пессимизмом, во-вторых, отличается высокой субъективной значимостью для всех респондентов. Это очевидно, поскольку центральная часть их представления включает практически все его элементы (12 из 14).

Несмотря на отсутствие различий в содержании представления о благосостоянии у взрослых (социальных оптимистов и пессимистов), способы его улучшения они видят по-разному в зависимости от позитивного или негативного прогно-

зирования будущего своей социальной группы. Данный факт связан преимущественно с возрастными особенностями респондентов “социальных оптимистов” (до 35 лет) и “социальных пессимистов” (40 лет и выше), отражающимися на их отношении к будущему экономическому благосостоянию, а также с удовлетворенностью его уровнем. Довольствоваться тем, что имеет, и не рисковать для изменения благосостояния предпочитает старшая группа респондентов, пессимистично оценивающая как ситуацию, так и свои шансы. Ответственность за пожилых родителей и еще не самостоятельных детей заставляет их выбирать именно эти ресурсы. Более молодые социальные пессимисты видят выход в удачном браке и поддержке родителей. В представлении всех пессимистично настроенных респондентов будущее благосостояние социальной группы, с которой они себя идентифицируют, зависит от мобилизации ими своих ресурсов, в том числе от физического здоровья. Они в большей степени, чем оптимистично настроенные участники исследования, надеются на государственные гарантии (социальный пакет, место работы, стабильная зарплата и т.п.). В сознании социальных оптимистов (напомним, большинству из них от 30 до 35 лет) позитивный образ будущего благосостояния связан с потенциальной возможностью получить работу за границей и с системой банковского кредитования. Возможность работы за границей и получение кредита сами по себе рассматриваются работающими “оптимистами” как способы улучшения благосостояния своей семьи и социальной группы в ближайшей перспективе. По сравнению с работающими взрослыми, для студентов приоритетным считается достижение определенного уровня благосостояния, наличие дохода, что обеспечит возможность приобретения собственности, а также откроет путь к созданию семьи и рождению ребенка. Кроме того, московские студенты отказываются от установок на патернализм в отношении государства, рассчитывают только на свой будущий профессионализм, молодость, дополнительное образование, т.е. исключительно на собственные ресурсы. Эта жизненная стратегия также в корне отличается от установок людей старшего поколения, ожидающих помощи и внимания к ним государства.

Важно также отметить, что оптимистичность/пессимистичность относительно будущего благосостояния в сознании всех респондентов зависит от их объективного уровня материального благосостояния. Так, “социальные оптимисты” в сравнении с “социальными пессимистами” имеют более высокий уровень дохода семьи.

Представляет интерес тот факт, что оптимистичность/пессимистичность относительно будущего благосостояния учащейся молодежи и взрослых определялась их групповой идентичностью. Студенты, которые позитивно оценивали будущее благосостояние, идентифицировали себя со своей семьей и группой друзей. Негативные оценки будущего отмечались у молодых людей, идентифицирующих себя как членов студенческой и возрастной групп. Высокий уровень идентификации с названными группами не допускает радужных надежд и заставляет сохранять мобилизованность перед неизбежными трудностями. Однако все студенты (независимо от групповой идентичности) позитивно переживали свою принадлежность к группе с чувством гордости и спокойной уверенности. В группе взрослых участников исследования нерадостные прогнозы будущего благосостояния определялись общностью их взглядов, ценностей и норм с принятыми в группах единомышленников, друзей и коллег, людей той же профессии и негативно переживались ими. В то же время позитивные переживания будущего испытывали работающие респонденты, которые идентифицировали себя с «советскими людьми», «россиянами» и «людьми такой же религиозной принадлежности». То есть с возрастом приятные воспоминания о прошедших временах могут определяться как наиболее важные для формирования позитивного образа будущего благосостояния в обыденном сознании россиян.

Важным источником конструируемого образа будущего благосостояния в обыденном сознании студентов и работающих россиян, принимавших участие в исследовании, стали макроэкономические факторы, оцениваемые респондентами как источники тревоги. Так, в молодежной группе наибольшее беспокойство вызывала информация о замедлении темпов развития российской экономики, возможном падении цен на нефть на мировом рынке, росте безработицы в стране, поскольку свое будущее они связывали с профессиональным становлением. В группе взрослых спектр явлений, вызывающих состояние тревоги, отличался. Кроме роста безработицы работающие респонденты обеспокоены возможным повышением цен на товары и услуги, сокращением рабочих мест в отрасли, отсутствием перспективы в повышении заработной платы работникам бюджетной и внебюджетной сферы.

Выявлено, что макроэкономические явления как источники тревоги связаны с эмоциональными и когнитивными компонентами образа будущего. Так, в группе студенческой молодежи с

пессимистичным настроением осознание отсутствия перспектив увеличения заработной платы работающему населению снижает значимость установки молодых на создание семьи и рождения ребенка. Возможность приобретения собственности, а также достойных условий для труда и жизни пессимистично настроенные студенты связывают с расширением товарооборота со странами ближнего и дальнего зарубежья. Их сверстники с оптимистичными взглядами считают, что трудности с увеличением заработной платы работникам снижают возможность приобретения молодыми людьми собственности. В целом, они в меньшей степени, чем социальные пессимисты, рефлексируют по отношению к источникам тревоги. Необходимо отметить, что у старшего поколения обнаруживаются сходные результаты. Взрослые оптимисты считают, что потенциальный рост цен на товары и услуги снижает их уверенность в завтрашнем дне. Они также уверены в том, что их возможность помогать близким напрямую связана с ростом заработной платы в стране. Однако самая тревожная картина возникает при анализе данных в группе взрослых «социальных пессимистов». Согласно полученным результатам, половина всех оцениваемых макроэкономических факторов связывается с 8 из 12 центральных элементов представления о будущем благосостоянии. Так, в сознании данной категории респондентов: замедление темпов роста российской экономики снижает уверенность людей в завтрашнем дне и лишает их возможности помогать близким; тревога в связи с неустойчивостью фондовой биржи приводит к пониманию потенциальной потери сбережений, накоплений в различных фондах и банках. Напомним, что для работающих пессимистов это важный показатель благосостояния их семьи, социальной группы. Интересно, что на данном этапе исследования («срез» – весна 2011 г.) беспокойство данной категории респондентов относительно того, «кто будет стоять во главе государства», снижало ощущение счастья как показателя не столько благосостояния, сколько субъективного экономического благополучия. По мнению работающих пессимистов, рост цен на товары и услуги может существенно снизить высокий и стабильный уровень дохода населения, а также привести к осознанию потери собственной свободы. Информация относительно сокращения товарооборота беспокоит взрослых пессимистов так же, как и молодых. Однако, в отличие от студентов, работающие взрослые уверены в том, что это приведет к снижению уровня дохода россиян и негативно повлияет на их сбережения в банках и фондах. У пессимистично настроенных взрос-

лых наибольшую тревогу вызывает информация об отсутствии перспектив увеличения заработной платы населению. По мнению респондентов, это негативно повлияет на уверенность людей в завтрашнем дне, снизит возможности взрослых по оказанию помощи своим родителям и детям, поставит под сомнение государственные гарантии по трудоустройству и обеспечению населения достойным социальным пакетом.

В условиях общественных изменений, связанных с высокой насыщенностью социально значимыми событиями (выборы президента, “марш несогласных” и т.п.), представление о благосостоянии как когнитивный компонент образа будущего (“срез” – весна 2012 г.) в группе работающих россиян становится менее значимым, чем в период относительной стабильности (до выборов, т.е. весна 2011 г.). Наряду с этим расширяется спектр макроэкономических факторов, рассматриваемых респондентами как источники тревоги относительно прогнозируемого будущего. По всей видимости, нарастающая тревога выполняет функцию адаптации к социальным изменениям в экстремальных условиях развития общества, характеризующихся высокой неопределенностью. Динамика эмоционального компонента образа будущего благосостояния проявляется в нарастании амбивалентности чувств (гордость и обида), переживаемой респондентами относительно будущего своей социальной группы (единомышленников, коллег, представителей той же профессии). Подобный конфликт может быть рассмотрен и как психологический механизм развития обыденного экономического сознания участников исследования.

Социально-психологический мониторинг структуры и динамики образа будущего благосостояния социальных групп позволяет увидеть сложные процессы конструирования этого образа в контексте меняющихся социальных условий, существующих проблем, а также социально-психологических особенностей групп. Перспективы этого направления авторы видят в расширении объекта исследования, уточнении способов операционализации ключевого понятия, совершенствовании методических средств и развитии подходов к изучению динамики феноменов обыденного прогнозирования в сфере благосостояния.

ВЫВОДЫ

1. Среди студентов и работающих взрослых существует распределение на группы с оптимистичными и пессимистичными прогнозами от-

носительно будущего благосостояния. При этом социальный оптимизм существенно выше в студенческой части выборки. В более взрослой части выборки больше оптимистов среди респондентов до 35 лет.

2. Социальный оптимизм/пессимизм респондентов зависит от “близости” группы: будущее семьи воспринимается более позитивно, чем будущее своей социальной группы или страны.

3. В структуре образа будущего благосостояния содержание центральной части представления у студентов и работающих взрослых различается. У работающих взрослых центральная часть содержит большее число элементов, что может свидетельствовать о высокой значимости проблем благосостояния. При этом в подгруппах социальных оптимистов и пессимистов набор элементов не различается. У студентов же в подгруппе социальных пессимистов больше центральных элементов, связанных с личными потребностями.

4. Выявлены различия в оценках ресурсов повышения благосостояния. В группе студентов основными ресурсами выступают личные усилия и полученные знания, надежда на себя, а не на государство. Эти ресурсы положительно коррелируют с центральными элементами их представления о благосостоянии.

5. У работающих взрослых респондентов оценки ресурсов оказались различными в зависимости от возраста. В старшей части выборки преобладают надежды на поддержку государства и на собственное здоровье, в более молодой (до 35 лет) – отмечается расчет на работу за рубежом и кредиты.

6. Позитивно переживаемая макросоциальная идентичность “советские люди” в группе взрослых респондентов детерминирует связь между оптимизмом восприятия настоящего и ближайшего будущего, а также между позитивными переживаниями прошлого и будущего.

7. Тревога по поводу макроэкономических факторов у всех респондентов связана с образом будущего благосостояния. Наиболее выражена эта связь в группе социальных пессимистов – работающих взрослых.

8. Динамика эмоционального компонента образа будущего благосостояния проявляется в нарастании амбивалентности чувств (гордость и обида), переживаемой респондентами относительно будущего своей социальной группы, и в расширении спектра макроэкономических факторов, вызывающих тревогу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. *Агапова И.* История экономической мысли. Курс лекций. М.: Ассоциация авторов и издателей "ТАНДЕМ". М.: ЭКМОС, 1998.
3. *Аргайл М.* Психология счастья. 2-е изд. М.: Питер, 2003.
4. *Баранова А.В.* Экономико-психологические детерминанты субъективного качества жизни: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.
5. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003.
6. *Дробышева Т.В.* Социальные представления о благосостоянии в группах пессимистично и оптимистично настроенных студентов // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции 12–13 октября 2011 г. / Под ред. В.А. Динеса, А.Н. Неверова, В.А. Русановского. Саратов: СГСЭУ, 2011. С. 94–98.
7. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
8. *Иванова Н.Л.* Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 65–75.
9. *Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
10. *Нестик Т.А.* Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011.
11. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007.
12. *Савченко Т.Н., Головина Г.М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
13. *Хащенко В.А.* Психология экономического благополучия. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012.
14. *Экономический словарь.* Электронный ресурс: <http://abc.informbureau.com/> (дата обращения: 20.05.2013).
15. *Diener E., Scollon C.K.N., Oishi S., Dzokoto V., Suh E.M.* Positivity and the construction judgments: Global happiness is not the sum of its parts // Journal of Happiness Studies. 2000. V. 1. P. 159–176.
16. *Ellis L.M., Ellis R., Mandel E.D., Schaeffer M.S., Sommer G.* Time Orientation and Social Class: An Experimental Supplement // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. V. 51 (1). P. 146–147.

THE IMAGE OF FUTURE WELL-BEING IN EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

T. P. Emelyanova*, T. V. Drobysheva**

**Sc.D. (psychology), leading research officer, professor,
Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow*

***PhD, research officer, the same place*

The structure of future well-being image in different groups of Russian society has been studied. Complex of cognitive elements and emotional components are specified in the structure of group's image of future. By means of authors' methods, their peculiarities in groups of students and working adults subject to level of social optimism/pessimism are revealed. Objective (occupation, income) as well as subjective (level of macroeconomic anxiety, predominate value orientations, social identity, depth of perspective in planning of the future) factors have been studied. The dynamics in constructing of image of future well being under social changes is traced.

Key words: image of future, well being, representation, structure of representation about future well-being, big groups of society, value orientations, macroeconomic anxiety, social optimism/pessimism.